

Октавия Котелкова

УГАСАНИЕ

18+

То неволе

Октавия Котелкова
Угасание поневоле

«Автор»

2026

Котелкова О.

Угасание поневоле / О. Котелкова — «Автор», 2026

В городе Полиграф праздник: к символам, буквам русского алфавита, приезжают их старые братья, буквы первой кириллицы. Но в разгар вечеринки по случаю торжества одна из букв исчезает, а вскоре её находят мёртвой. И не только её. Раскрыть загадочного серийного убийцу - задача, с которой собираются разобраться Стёрка, Замазыч и компания их друзей.

© Котелкова О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Двойная утрата	5
Глава 2. Будь осторожнее	14
Глава 3. Сладкий след	18
Глава 4. Обман в разрезе	22
Глава 5. При помощи слёз	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Октавия Котелкова

Угасание поневоле

Глава 1. Двойная утрата

Мистер Садовник, которого в городе Полиграфе на планете Обджектов почтительно именовали Великим, отставил лопату и выпрямился. Спина неприятно ныла, что случалось с ним всякий раз после третьего часа непрерывной работы. Он снял очки — старомодные, круглые, с трещинкой на левом стекле — и принялся старательно протирать их уголком собственного белоснежного бока.

Мистер Садовник был буквой «Й». Не той броской, с жирной точкой и претензией на значительность, а скромным, даже застенчивым «И Кратким», который в любом слове норочит юркнуть на вторые роли. Белый, чистый, без единой засечки — только плавный изгиб да маленькая чёрная точка сверху, похожая на крошечную шляпку. Руки и ноги у него были вполне обыкновенные — тонкие, чёрные, с лёгким типографским блеском. Он не носил одежды — разумеется, ведь он был буквой, а буквы в Полиграфе обходятся без подобных излишеств, — но в его манере держаться чувствовалось нечто, что у людей называли бы старомодной аккуратностью. Каждая его чёрточка была на месте, каждый изгиб выверен. Даже сейчас, после трёх часов на кладбище, он выглядел так, будто только что сошёл со страниц хорошо изданного фолианта.

Кладбище, на котором он трудился, простиралось на добрых четверть мили к северу от железнодорожного вокзала — единственной достопримечательности Полиграфа, если не считать двух десятков серых хрущёвок, собранных вокруг пустыря. Здесь, среди невысоких холмиков и покосившихся табличек, покоились буквы, чья жизнь окончилась прежде, чем они успели устареть, а они, как известно, не старели вовсе — они просто исчезали. Иногда постепенно, и в этих случаях их хоронили с почестями, а иногда внезапно, и тогда могила становилась последним пристанищем неразгаданной тайны. В нашей истории, к сожалению, фигурировал второй случай.

Мистер Садовник вздохнул и устремил взгляд на свежий холмик слева. Земля на нём ещё не успела осесть, хотя минуло уже два дня.

— Бедный Зело, — произнёс он вслух, ибо имел привычку разговаривать с покойными — привычку, которую в Полиграфе считали чудачеством, но ничуть не осуждали. — И никто ведь до сих пор не понял, что же с тобой стряслось.

Он надел очки, огляделся по сторонам и, удостоверившись, что на кладбище никого нет, позволил себе погрузиться в воспоминания.

Нельзя сказать, чтобы он любил это занятие. Воспоминания о том событии двухдневной давности были сродни старой ране, которая не болит, но не даёт забыть о себе. Однако мистер Садовник был, помимо прочего, буквой наблюдательной, а наблюдательность в его профессии — вещь необходимая. Ибо кто, как не он, знал, какие секреты хранит земля?

Вздыхнув ещё раз, он закрыл глаза и позволил событиям того вечера развернуться перед внутренним взором — медленно, подробно, со всеми теми мелкими деталями, которые ускользают от невнимательного наблюдателя, но в которые цепляется настоящий сыщик.

Вечер две недели назад выдался на удивление тёплым — по крайней мере, по меркам Полиграфа, где проживали в большинстве своём буквы и несколько обджектов, переехавших сюда для участия в шоу. Температуру здесь чаще измеряли не в градусах, а в количестве цветных капель, упавших с букв под воздействием солнечных лучей.

Квартира номер семнадцать в доме номер девять по улице Глаголической гудела, как потревоженный улей. Повод для собрания был из ряда вон выходящий: старые буквы кириллицы, которых не видели в Полиграфе многие десятилетия, вдруг объявились на железнодорожном вокзале с небольшими чемоданами и выражением растерянности на всех своих изгибах.

С момента их ухода прошло минимум сто лет, однако они выглядели и двигались как маленькие энергичные дети. Компания "блудных" символов была весьма колоритной: Юсма и Юсбо — два братца, похожие друг на друга как две капли воды, если бы вода могла принимать форму причудливых славянских литер. Оба лавандовой, нежно-фиолетовой расцветки, как цветы, что росли на пустыре за вокзалом. Оба были одного роста, не только между собой, но и по сравнению со всеми остальными, ибо буквы в Полиграфе, за редчайшим исключением, были примерно одного размера в высоту. Этим самым исключением был Ять — высокий, тёмно-синий, возвышавшийся над толпой на целую голову, с достоинством истинного аристократа. Он был мрачен и немногословен, а после прибытия в пункт назначения вообще не издал ни единого звука, кроме скрипа чемоданов, в отличие от своих собратьев. Третьей гостьей Полиграфа была Фита — круглая, сиреневая, похожая на воздушный шарик, который вот-вот улетит. Она стояла рядом с Ятем и нервно перебирала пальцами, отчего замки на её сумках звонко бились друг о друга. Грозный и хладнокровный, он заставлял невольно дёргаться многих букв, стоило им только оказаться в близком контакте с ним. За Фитой поспела энергичная Ижица — напротив, маленькая, юркая, с хитрой складочкой на перекладине, которая, к слову, не мешала ей прыгать и крутиться. Прибытие было любимой частью любой поездки этого символа: как только поезд останавливался, она тут же собирала все свои большие сумки и радостно вылетала из вагона, огибая все железные перекладины рядом с ней. Заканчивалась эта церемония пафосным падением на землю и объятием земли и близлежащей растительности. Фита находила это странным и всегда сравнивала свою сестру по алфавиту с космонавтом, который прилетел на родную планету после долгой экспедиции, уставший от звёзд и бесконечного тёмно-синего пространства.

Всю эту процессию замыкал уже упомянутый ранее Зело.

Об этом персонаже следовало бы сказать особо. Это была буква необычная уже хотя бы потому, что сохранила в своём имени интригующее звучание — «зело», что раньше выполняло роль наречия и означало «весьма» или «очень». Болотно-зелёный, продолговатый, с лёгким изгибом, напоминавшим улыбку, Зело смотрел на мир с выражением человека, который слишком много видел и слишком мало из этого одобрял. Тем не менее, это не мешало ему быть общительным и заводить новые знакомства. Из всех забытых символов он был самым вспоминаемым и любимым. Руки его были расслаблены, ноги расставлены на ширину плеч — поза человека, который никуда не спешит и ни о чём не жалеет.

— Господа! — провозгласил Юсма, вскинув правую руку. — Мы вернулись! Вернулись, чтобы напомнить вам о тех славных временах, когда алфавит был полон, а жизнь — осмысленна!

— А теперь? — осведомился кто-то из угла.

Юсма замялся, почесал затылок — невидимую точку на пересечении перекладин.

— А теперь — ну... мы тоже вернулись!

Радость была всеобщей и, как показалось многим в тот момент, искренней. Буквы обнимались, хлопали друг друга по спинам, издавали возгласы, которые при иных обстоятельствах можно было бы счесть нечленораздельными. Впрочем, в Полиграфе к возгласам относились снисходительно. Всё это сопровождалось танцами, смехом, весельем и нескончаемыми беседами, темы для которых копились всё то время, что провели гости дома в скитаниях.

Посреди этого столпотворения на подоконнике, чуть в стороне, расположился Аз.

Он был прямой, стройный, медово-оранжевый, как конфета-петушок на палочке. Его лицо, обрамлённое двумя параллельными засечками, носило выражение постоянной лёгкой насмешки. Он сидел, скрестив ноги по-турецки, и лениво покачивал ступнёй. Руки он сложил на груди — жест, который у других букв означал бы сосредоточенность, а у Аза был чистой воды демонстрацией превосходства.

— Аз, — окликнула его проходившая мимо Ёшка, — ты чего не с нами?

Ёшка была маленькой, светло-фиолетовой, как сирень в сумерках. Две её точки — одна над другой — смотрели на мир с неизменной добротой, как и глаза. Она переступала с ноги на ногу, теребя край собственной перекладины — нервная привычка, которую она не могла побороть.

— С вами? — переспросил Аз, не меняя позы. — Милая Ёшка, я с вами ровно настолько, насколько вообще нахожусь в этой комнате. Но не ждите от меня прыжков и восторженных криков. Зрелище возвращения старых букв, знаете ли, не из тех, что вызывают у меня энтузиазм.

— Почему? — удивилась Ёшка, наклоняя голову. — Это же так интересно! Они из другого времени!

— Из другого времени, которое, к счастью, прошло, — поправил её Аз. Он поднял правую руку и медленно провёл ею в воздухе, словно перечёркивая невидимый список. — Посмотри вон... - Аз бегло окинул взглядом гостей в попытке выбрать удачный пример и сделал выбор. - ...на Юсму и Юсбо. Когда их в последний раз использовали в тексте? Триста лет назад? Пятьсот? И что они могут нам дать сейчас, кроме головной боли и вопросов вроде «а куда вы дели нашу любимую букву?»

— Но они же не виноваты, что устарели, — возразила Ёшка. Она присела на корточки рядом с подоконником, подперев голову рукой.

— Вот именно, — кивнул Аз. — Времена изменились. А они остались. И теперь будут ходить по Полиграфу, рассказывать всем желающим и нежелающим, как хорошо было раньше, и портить статистику частотности! — Он помолчал, глядя на Зело, который как раз шёл к столу. — Вот Зело, например. Зачем он понадобился? Красивое имя, приятное звучание — и ни одного случая принесения реальной пользы. Какую функцию он выполнял? Число шесть, если мне не изменяет память. Вот и всё. Шесть.

— Но число шесть и сейчас пишется как шесть, — робко заметила Ёшка. Она знала, что Аз грубо ошибается, утверждая, что Зело был цифрой, однако не хотела устраивать длительную дискуссию, ибо он тяжело воспринимал критику своих слов.

— Именно, — торжествующе заключил Аз и щёлкнул пальцами. — Именно поэтому Зело и не нужен! Шесть было, шесть и осталось! А его самого... вычеркнули. Раз — и нет. И вот, пожалуйста, стоит, улыбается, делает вид, что ничего не случилось. - Он ухмыльнулся и посмотрел на Зело, мирно жевавшего эклер и запивавшего его чаем. Еда и напитки на столе привлекали его гораздо больше, чем разговоры с братьями по алфвиту. - Удивительная способность — не помнить унижений! - иронично покачал головой Аз.

Ёшка вздохнула. Спорить с Азом было бесполезно — она знала это по опыту. Вздохнув, буква поднялась и отступила обратно в толпу, где её тут же подхватил под руку добряк Юлька.

Юлька был буквой «Ю» — нежно-розовой, круглой, с мягкими чертами лица. На голове его красовались кошачьи ушки — пушистые, розовые в тон основному цвету, которые он никогда не снимал. Говорили, что он сам их сделал из старой тетради. Он прижимался к Ёшке, потёрся щекой о её плечо и тихо произнёс:

— Мяу. Не обращай внимания, Ёшка. Он всегда такой мяу. Это у него... ну, знаешь, натура такая мяу. Колючая.

— Я знаю, — сказала Ёшка и погладила его по ушкам. — Но иногда он бывает прав.

— Иногда, — согласился Юлька и снова мяукнул. — Но не сегодня мяу. Сегодня праздник. И мы не дадим его испортить мяу.

— Не дадим, — улыбнулась Ёшка.

И они погрузились обратно в весёлый гул.

Ближе к столу, вокруг стула, на котором восседал Краткий, собралась небольшая группа. Краткий был буквой «Й», и не простой. Лососевый — нежный розовато-оранжевый оттенок, напоминающий закат над типографией, — он сидел, откинувшись на спинку, и задумчиво вертел в пальцах воображаемую ручку. Точка над ним была не просто точкой — она была жирной, броской, слегка съехавшей набок, словно даже она не могла усидеть на месте от переизбытка энергии. Ростом Краткий был как все, но держался так, будто был выше на голову.

— Господа, — говорил Краткий, обводя окружающих значительным взглядом, — я рад, что вы все собрались. Рад до глубины... гм... до глубины засечек. Но позвольте задать вам один вопрос, и попрошу отнестись к нему со всей серьёзностью.

Вопрос повис в воздухе. Присутствующие почтительно замолчали.

— Кто из вас, — продолжал Краткий, понижая голос до драматического шёпота, — хоть раз думал о завтрашнем дне?

Ёшка, стоявшая неподалёку, наклонилась к Юльке:

— Опять начал. Мне уже страшно.

— Мяу, — согласился Юлька. — А что? Он же у нас продюсер. У него амбиции мяу.

— У него мания величия, — поправила Ёшка, но беззлобно.

— О чём ты говоришь, Краткий? — спросил, приблизившись, Бука.

Бука — буква «Б» — был прямой противоположностью Азу. Шоколадно-коричневый, твёрдый, непоколебимый, он казался высеченным из цельной плитки горького лакомства. Его лицо не выражало ничего, кроме спокойной уверенности. Стоял он ровно, руки по швам, ноги вместе — даже отдыхая, он выглядел так, будто стоит на параде. Реже он упирал их в боки или скрещивал на груди, но только в том случае, когда что-то вызывало у него раздражение.

— Я говорю о том, Бука, — ответил Краткий, подаваясь вперёд, — что мы теряем время. Пока мы здесь празднуем возвращение наших коллег трёхсотлетней давности, кто-то уже давно строит карьеру, завоёвывает аудиторию, создаёт себе имя, которое останется в веках! А мы? Кто мы? Набор разноцветных букв, которые используют для скучных слов и неинтересных текстов!

— Фактически, буквы и не делают карьеру, — спокойно заметил Бука, даже не шелохнувшись. — Буквы служат языку. А язык служит людям.

— О, какое высокопарное утверждение! — Краткий едва не подскочил на месте. Он вскочил со стула, прошёлся туда-сюда, энергично жестикулируя. — Из какой это газеты пятидесятилетней давности вы его выкопали, с... сударь? (Последнее слово он протянул мерзким тоном, стараясь выбить оппонента из колеи, но тщетно)

— Из себя, — невозмутимо ответил Бука. — Потому что я — буква, которая не меняет своих принципов в зависимости от обстоятельств. В конце концов, имена, оставшиеся на века, составлены из таких же букв, как мы.

— Принципы? — Краткий хмыкнул и остановился, уперев руки в бока. — Принципы — это то, что мешает буквам жить. Вот вы все, — он обвёл рукой комнату, — живёте прошлым. А я живу будущим. Я, между прочим, запустил было реалити-шоу. Проект «Испытание На Миллион Тысяч».

— И где это шоу? — подал голос из угла Аз, не упуская случая вставить замечание.

Краткий помрачнел.

— Шоу отложили. На два года, если быть точным.

— По какой причине?

— Бюджет урезали, — сквозь зубы процедил Краткий. — Ведущие... ну, ведущие не сошлись во взглядах. Неважно. Важно другое — я потерял шанс на успешное будущее! Хотя кому я это говорю! Вас всех, в частности, и его, беспокоит совсем не это!

Он кивнул в сторону Зело, который как раз проходил мимо с эклером в руках. Тот поймал взгляд, усмехнулся и махнул рукой:

— Не обращайтесь на меня внимания. Я просто

— Видишь? — тихо сказал Бука Краткому. — Он не строит карьеру. Он просто рад, что существует. Может, нам стоит поучиться у него этому умению?

— Философия слабых! — фыркнул Краткий и отошёл в сторону, демонстративно отвернувшись.

И тут в разговор вмешалась Зара.

До этого момента буква «З» находилась в полудрёме на подоконнике — это был другой подоконник, не тот, на котором сидел Аз. Зара расположилась на нём поперёк, свесив ноги вниз, и лениво покачивала ими в такт какой-то мелодии, слышной только ей одной.

Зара была темно-малиновой, насыщенной, сочной — как варенье из чёрной смородины. Её изгибы были смелы и вызывающи, а центральная перекладина имела прогиб, который в приличном обществе постарались бы не заметить. Глаза её были полуприкрыты, губы сложены в бантик. Она жевала воображаемую жвачку — и делала это с такой самоотдачей, будто от этого зависела её жизнь. Бука отвернулся: эта буква ему не нравилась от слова совсем из-за её неприличного поведения и разгульного образа жизни. Однако Зара не собиралась меняться из-за этого, так как мнение Буки её совсем не беспокоило.

— Ой, ну хватит, а? — протянула она, не открывая глаз. — Краткий, ты такой скучный... Всё работа да работа, карьера да карьера... А ты отдохнуть в последний-то раз когда пробовал?

Краткий обернулся к ней с выражением лица человека, который только что наступил на что-то липкое.

— Зара, придержи язык. У меня кризис.

— А что я такого сказала? — Зара приоткрыла один глаз, блеснувший из влажной глубины её малинового тела. — Ты, главное, о шоу своём рассказываешь-рассказываешь, а что толку-то? Его всё равно никто не смотрит! У меня вот три фолловера в Буквограммике! - Она демонстративно повертела своим телефоном перед буквами. - Три, понимаешь? Это человеческих три, не наших. Я, может быть, единственная в Полиграфе, у кого человеческие обожатели имеются! Она перешла на диван и прогнулась как кошка, так, что чуть не упала с него.

— Три? — хором переспросили Шилич и Щиц. Эти двое сильно отличались друг от друга внешне - окраска Шилича напоминала мутную дождевую воду с водорослями, Щиц же был терракотовый и сверкал, как только что сорванный с ветки апельсин - но характер и манера поведения были одни и те же, что и стало поводом для их дружбы. Они вообще редко говорили по отдельности, предпочитая действовать дуэтом, и всегда удивлялись, услышав любую информацию о жизни Зары. Она же давно заметила, что у неё есть такие поклонники, и поэтому преподносила любые новости о себе как сладкий яблочный пирог, давая слушателям вдоволь насладиться ароматом.

— Именно три, — подтвердила Зара с таким видом, будто речь шла о миллионе. Она села, поправила воображаемые волосы. — Только один из них — бот. Щиц и Шилич могли рассеяться над Зарой из-за этого, поэтому она быстро приукрасила значение своего неоднозначного "поклонника". - Но бот — это тоже подписчик! Он же лайкает, он комментит, он делает репосты... - Репосты! - восхищённо повторили друзья. - Правда, комменты у него странные — одни эмодзи... но, в конце концов, кто без недостатков? - сказала Зара.

— Без недостатков никто, — заметил Бука. — Но два живых подписчика и робот — это не повод называть себя звездой, Зара. — Все мы немножко лошади! — вставила Ижица, что задело малиновую букву.

— А я с тобой и не разговариваю, — обиделась Зара, хмыкнув в сторону Буки, и отвернулась. — Ты весь такой правильный, Бука. Стоишь ровно, никуда не гнёшься. И в словах у тебя всё по полочкам. А жить-то интересно? А? Можешь себе позволить прийти на вечеринку и... ну, не знаю... упасть с дивана? Повалиться?

— Я не падаю, — сухо ответил Бука. — И не валяюсь.

— Ой, всё, надоел! — отмахнулась Зара. — Скучно с тобой, — заключила она и снова легла, отвернувшись к стене. — Скучно-о-о...

Ёшка тем временем обходила гостей, предлагая разные угощения. Она была ассистентом Краткого — должность, которую никто не понимал, но все уважали. Ёшка вообще была буквой, которую все любили.

— Угощайтесь, — говорила она, подходя то к одному, то к другому. — У нас тут... ну, ничего нет, если честно. Но атмосфера, надеюсь, неплохая.

— Атмосфера отличная, — ответил Юлька, который всё время держался рядом с ней, словно боялся потеряться. — Мяу.

— Юлька, осторожнее, — ласково сказала Ёшка, когда увидела, как тот побежал в сторону Фиты и Ятя, активно что-то обсуждавших — Буквы хотят спокойно поговорить!

— А я не мешаю! Мяу!, — обиженно произнёс Юлька. — Я прижимаюсь. Это разное! мяу.

Юлька часто прижимался к разным объектам — то к столбу, то к стене, то к другим буквам, которые проходили мимо. Ему было тепло от прикосновений, и он хотел делиться теплом.

В дальнем углу, у стены, стоял Яори и грыз печеньку с джемом.

О Яори, если честно, мало кто говорил. Он был чёрный, как смоль, с ярко-белым лицом, напоминающим театральную маску. Тихий, незаметный, с вечно опущенной головой, он не участвовал в громких разговорах, не вступал в споры, не привлекал к себе внимание. Всё, что он делал — только стоял, смотрел и слушал. Иногда он вздрагивал, если кто-то его неожиданно окликал. Особенно он боялся Аза — тот однажды сказал ему: «Ты, Яори, молчи. Твоё дело — стоять и не мешаться. А будешь мешаться — отрежу хвостик».

С тех пор Яори старался не мешаться абсолютно никому и сильно мандражировал даже когда с ним собирались поговорить дружелюбные буквы, на Аза совсем не похожие.

Но сегодня он смотрел на Зело с каким-то особенным выражением. В его чёрных глазах, на белом лице, читалась не просто тревога — в них был ужас.

Зело, заметив это, подошёл к нему.

— Что, Яори, невесел? — спросил он, слегка наклонившись. Болотно-зелёный цвет его тела казался особенно мрачным в полутьме угла.

— Я... я не знаю, — ответил Яори, понижая голос почти до шёпота. — Мне кажется, что что-то будет.

— Что-то всегда будет, — пожал плечами Зело. — Вопрос в том, хорошее или плохое.

— А ты не боишься? — почти прошептал Яори, и белое лицо его стало ещё блее.

Зело задумался. Он поднял руку, почесал затылок.

— Знаешь, — сказал он наконец, — когда тебя вычёркивают из алфавита, ты перестаёшь бояться. Не потому, что становишься смелым. А потому, что понимаешь: самое страшное уже случилось. Дальше — лишь вариации на одну и ту же тему.

Он посмотрел на часы — круглый циферблат, плавающий в воздухе над его головой.

— Мне пора, — сказал он. — Ижек должен прийти. Я встречу его внизу, а то он вечно теряется в подъездах.

— Ижек? — переспросил Яори: он совсем не ожидал прихода этого симболара, так как тот обычно не посещал вечеринки. — Он... так долго?

— Сказал, что подойдёт к девяти. Я обещал встретить его, а сейчас без десяти, как я погляжу. Так что — спускаюсь.

Он махнул на прощание рукой, кивнул Ёшке, которая как раз проходила мимо, и направился к двери.

— Я скоро! — бросил он через плечо.

Дверь за ним закрылась. В комнате стало чуть тише.

Время шло. Буквы продолжали свой праздник.

На часах, висевших на стене (настоящих, а не плавающих), пробило девять. Затем половина десятого. Затем десять.

Ижек не появлялся.

Зело не возвращался.

— Странно, — заметил Ять, отвлѣкшись от увлекательной дискуссии с Фитой на тему полезности нецензурных ругательств. Стоит отметить, что оба симболара маты презирали и совершенно не переносили тех, кто произносил их чуть ли не после каждого сказанного слова.

— Что странно? — отозвалась Фита и схватила лимонную корзинку со стола. У неё появилось нехорошее предчувствие, что произошло что-то ужасное. В этих случаях её рецепторы сильно просили чего-то кислого.

— Зело и Ижек. Их до сих пор нет. А вышли они, то есть, нет, Зело, более часа назад! — Ять глянул на часы и убедился в точности своих расчѣтов.

Аз, примостившийся на подоконнике, хмыкнул:

— Может, они в подъезде стоят и разговаривают, как вы. О жизни там, о судьбах алфавита. Ты же знаешь, Зело любит поговорить.

— Но уже поздно, — возразил Яори. Он отошёл от стены и сделал шаг к двери.

— Поздно? — Аз пожал плечами. — Для нас, букв, понятие «поздно» довольно условно. Мы не обязаны ложиться спать в десять, как люди. Мы — вечные, забыл?

— Мы не вечные, — тихо сказал Бука. — Мы просто не стареем. Но умереть можем.

В комнате повисла неловкая тишина. Юлька, нарушая её, тихо мяукнул — но как-то неуверенно, словно извиняясь.

— Ладно, — сказал Аз, — давайте не будем о грустном. Наливай!

Ёшка согласился со своим коллегой по алфавиту и разлил новую порцию клубничного лимонада по стаканам, случайно уронив один из них. По счастью, это был стакан Юльки, а его совершенно не раздражали подобные инциденты. Он их решал парой движений языком по скатерти. Последовавшее за этим действием радостное причмокивание успокоило Ёшку.

Но Яори уже не танцевал. Он стоял у окна и смотрел на тѣмную лестничную клетку, желтеющую в свете единственной лампочки на площадке.

— Я схожу, — сказал он наконец и тихо вышел в подъезд.

— Куда ты? — забеспокоился Ёшка.

— Посмотрю, что с ними.

Яори открыл дверь и шагнул в подъезд.

Он спускался медленно, переставляя ноги с одной ступеньки на другую. Сердце его кололось где-то в районе центральной перекладки, между двумя нижними палочками и отверстием. Лампочка на первом этаже мигала — то разгоралась ярче, то почти угасала, оставляя площадку в дрожащем полумраке.

Поворот.

Ещё один.

Яори вышел на площадку и замер. Там, где перила сходились железный стык, о который можно было легко ушибиться, лежало нечто, по размерам схожее с самой чѣрной буквой.

Он подошёл ближе на цыпочках и ужаснулся от увиденного.

Зело. Длинный, некогда усмехающийся симболар теперь лежал неподвижно, точно парализованный. Руки его были раскинуты в стороны, ноги неестественно вывернуты — не так, как у спящей буквы, а так, как может лежать только тот, кого скоро опутают яркой полосатой лентой и аккуратно обведут по контуру мелом.

Яори наклонился. Ни ран, ни следов крови он не обнаружил — всё было предельно чисто. Он уже хотел себя успокоить мыслью о том, что Зело просто споткнулся, упал и потерял сознание, и его ещё можно привести в чувство, однако отсутствующий запах типографской краски отбил у него все надежды на лучший исход. Дело в том, что если от буквы исходил "книжный" аромат, то это указывало на то, что она живёт, здравствует и источает словесную энергию.

В подъезде повисла гробовая тишина. Яори медленно открыл рот, а затем громко вскрикнул. Звук, который вырвался наружу, не был похож на голос буквы. Это был вопль существа, которое столкнулось с тем, чего не могло понять.

Крик разорвал подъезд, полетел вверх по лестничной клетке, ударился о стены, отразился от потолка и ворвался в квартиру номер семнадцать.

Там всё замерло, включая телевизор и чайник, которые работали вовсю. Никто не знал — тогда, в тот вечер, — что это было лишь начало.

Мистер Садовник открыл глаза. Кладбище встретило его гробовой тишиной. Ветер стих и тёплый воздух стал сильнее давить на могильщика. Даже запах типографской краски куда-то исчез, оставив после себя только чистую сырую землю и ощущение надвигающейся беды.

Он пошевелил затёкшими ногами, поднялся и отряхнул колени.

— Вот так, Зело — вздохнул он. — И никто не знает, кто... и зачем... И, боюсь, так и не узнает.

Он сделал несколько шагов и остановился.

У забора, за которым начинался пустырь, зеленел свежий холмик. Слишком свежий.

Мистер Садовник хорошо знал свой участок. Каждую могилу. Каждого покойного. Каждую яму, каждую табличку.

Этой могилы здесь быть не должно.

Он опустился на колени и потрогал землю. Чутьё не подвело: она была рыхлая и, судя по запаху, её перекопали совсем недавно.

— Но кто? — прошептал он. — Кто и когда... я же был тут утром...

Он взял лопату.

Земля полетела в стороны. Тяжёлая, влажная, она оседала на его белоснежную поверхность и, как ни странно, ничуть её не портила, будто Садовник был сделан из отполированной бережными руками слоновой кости.

Раз. Два. Три! Лопата звякнула обо что-то твёрдое.

Он отбросил её в сторону и начал разгребать землю руками. Чернозём забивался между пальцами, сковывая движения, но не останавливал обеспокоенного могильщика. Наконец из-под земли показалась глянцевая поверхность. Она блестела и слабо мерцала, как экран выключенного телефона, на который никто никогда не напишет.

Он поработал руками ещё немного и ахнул, узнав личность закопанного.

Ижек. Аккуратная гладкая голубая буква «И». Простая, прямая, без излишеств. Спокойный, надёжный симболар, всегда готовый соединять слоги и рассорившихся приятелей. Именно его с таким энтузиазмом ждал Зело и ради его личных проводов в нужную квартиру спускался по лестнице. В итоге не вернулись оба.

Теперь он лежал в могиле — неестественно изогнутый, скрученный так, как буквы не скручиваются сами по себе. Руки были крепко прижаты к бокам, ноги сведены вместе. Кто-то уложил её с пугающей аккуратностью.

Прекрасные голубые глаза Ижека были открыты, но в них не было ни частички живой души. Раньше они улыбались при любой встрече с друзьями или хорошей новости, наполняли хорошим настроением каждого, кто в них смотрел; они были заполнены той самой невинной доброй энергией, которая сейчас, в свете своей непопулярности, по сравнению с циничностью и показным безразличием, является большой редкостью, настолько большой, что этот взгляд можно было бы занести в Красную книгу эмоций. Садовник был разочарован: некто высосал эту энергию, лишив планету Обджектов ещё одного представителя исчезающего типа искренних эмоций. Теперь в глазах Ижека отражалась только пустота. Они смотрели в небо, которого не видели.

Садовник выпрямился, перехватил лопату другой рукой и постоял, затем, не обращая внимания на землю, осыпающуюся с его колен и рук, произнёс тихо, почти неслышно, еле шевеля губами:

— Мать моя Кириллица!

Глава 2. Будь осторожнее

Стёрка сидела в своей квартире, расположенной этажом выше того самого лестничного пролёта, на котором лежал неподвижный Зело. Она ещё ни о чём не знала, даже мыслью о возможном чрезвычайном происшествии у неё не было. Даже вчерашний крик Яори несколько не смутил её. Как и любое существо, услышавшее внезапный пронзительный звук, она испугалась, но потом просто подумала, что кто-то просто споткнулся и упал или ударился, и никаких катастроф вселенского масштаба не предвидится. И отправилась спать. На следующее утро она проснулась раньше обычного. На ноги её поднял громкий резкий стук в дверь, а не приятное мелодичное пение соловья, которое стояло на её будильнике. Стук повторился ещё три раза. Стёрка поняла, что неожиданный гость очень настойчив и не отстанет, пока ему не откроют. С большой неохотой она подошла к двери и посмотрела в глазок. Оттуда на неё глядели большие наполненные беспокойством глаза Ёшки. Стёрка решила, что большого вреда она не принесёт, и открыла дверь. — Стёрка... — сказала она, и её голос стал тише. — Ты слышала? Про Ижека? - Нет, - ответила хозяйка квартиры таким же тихим тоном, - я... ничего не слышала. А что с ним? Ёшка нервно вздохнула. Стёрка абсолютно ничего не знает, и, значит, ей придётся рассказывать всё с самого начала.

— Ты... ты правда не знаешь? — шепчет она. — Стёрка, его нашли сегодня утром... - Ёшка сглотнула. - Великий Садовник... он копал свежую могилу, думал, там ошибка, а там... там был Ижек.

Она замолкает, прижимает руки к груди. Её уже трясло от одного звучания этих слов.

— Его закопали. Заживо, Стёрка. Понимаешь? Не убили сразу, как Зело. А закопали. Прямо на кладбище. В чужую могилу.

Произнеся последние слова почти шёпотом, Ёшка всхлипнула, вспомнив, каким добрым был Ижек и как несправедливо поступили с ним.

— И никто ничего не делает! - расстроено сказала она. - Краткий сказал: «Нет полиции — нет проблем». Сказал, что сами разберёмся! А как разобраться, если мы буквы, а не сыщики?!

Она подняла на Стёрку глаза, отчего девушка инстинктивно отвернулась. В них — надежда, от которой ей стало не по себе.

— Кроме тебя, Стёрка. Ты же... ты в том шоу... ты тогда нашла, кто украл голоса. За три часа. Я помню. Все помнят.

Ёшка замолчала. Больше ей сказать было нечего.

С улицы доносится далёкий гудок поезда — железнодорожный вокзал Полиграфа живёт своей жизнью, не обращая внимания на мёртвых букв. - Я вам очень-преочень благодарна - грустно сказала Ёшка, разворачиваясь к выходу. Перед уходом она мрачно посмотрела на Стёрку и сказала: - Надеюсь, убийца будет пойман очень быстро, а то с этой мыслью... как-то тяжело становится. Дверь захлопнулась. В квартире повисла гробовая тишина.

Стёрка стояла посреди собственной прихожей и смотрела на закрытую дверь. Ёшка ушла минуту назад, а в квартире всё ещё витал её запах — типографская краска, смешанная с тревогой.

Два убийства. Два трупа. Ноль понимания происходящего. Одна мысль: надо действовать! Чего бы ей это не стоило!

Стёрка вздохнула и принялась собираться. Ручка — в карман. Блокнот — туда же. Баллончик с монтажной пеной — вместо перцового, потому что в Полиграфе не было настолько много перца, зато пена была, даже в избытке, застывала мгновенно и могла остановить кого угодно. Резиновые перчатки отправились в ту же сумку в отдельный отсек, а сама сумка с длинным ремнём была ловко заброшена на плечо.

«Два убийства — это не шутки, — подумала Стёрка, застёгивая пряжку. — Это тяжело для одного детектива, тем более такого неопытного, как я. Мне нужен напарник».

Она достала телефон и нажала на номер, который знала наизусть.

Замазыч, лучший друг Стёрки, бывший участник того же "Испытания на Миллион Тысяч", ответил на четвёртый гудок. Его голос — тихий, чуть скрипучий, как у хорошо отточенного карандаша — прозвучал встревоженно:

— Алло? Стёрка? Ты чего звонишь? Что-то случилось?

— Да, Замазыч, именно поэтому я и звоню, — вздохнула Стёрка. — Как бы тебе это сказать помягче... — Она набрала воздуху в грудь и выпалила: — Зело и Ижека убили!

На том конце провода наступила тишина. Долгая, тяжёлая, прерываемая лишь дыханием Замазыча — прерывистым, с лёгким присвистом. Потом он издал странный звук, что-то среднее между «ах» и «ох», переходящее в тихое:

— ...что?

Стёрка услышала, как он ходит туда-сюда по своей квартире. Его быстрые и нервные шаги заставляли ноги очень громко стучать по полу, будто он ходил в туфлях на толстой деревянной подошве. Секунд через десять он остановился и спросил подругу:

— Стёрка, ты... ты шутишь? Это... это не смешно. Зело? Ижек? Но... Ижек же только вчера... он мне звонил. Зачем-то. Я не взял трубку, думал, потом... — Он замолчал. — Господи. То есть... если бы я взял трубку, он был бы ещё жив? Или... или это ничего бы не изменило?

— Замазыч, — перебила Стёрка твёрдо, — не надо. Ты не виноват.

— Я сейчас приду. Я не могу сейчас... я сидеть не могу. Я приду. Где ты? У себя? Сиди. Никуда не ходи. Я... я быстро.

Не дожидаясь ответа, он бросил трубку.

Стёрка успела дважды проверить содержимое сумки и один раз — баллончик с пеной, прежде чем в дверь постучали. Стук был не громкий, но настойчивый: короткий — пауза — два быстрых.

— Стёрка, это я, — голос Замазыча приглушила дверь. — Открывай.

На пороге стоял высокий, светло-бежевый, с мягкими округлыми чертами — точёный, как хорошо заточенный мелок. В руках он держал маленький рюкзачок, набитый явно чем-то тяжёлым.

— Я взял с собой... ну, мало ли, — пробормотал он, переступая порог. — Термос. И фонарик. И, кажется, книгу, но это случайно. Рассказывай. Всё. С самого начала.

Он сел на ближайший стул — так, будто ноги его больше не держали, — и уставился на Стёрку в упор.

Она рассказала быстро, почти шёпотом, укладываясь в несколько минут. Ёшка, Садовник, свежая могила, Ижек, закопанный заживо, Краткий, который сказал «мёртвым не поможет, живым надо работать», и никакой полиции, никакого закона — только воспитание и принципы, которые, как выяснилось, не все соблюдают.

Замазыч слушал, не перебивая. Его светло-бежевое лицо становилось всё бледнее. Он сидел, вцепившись пальцами в колени, и кивал каждому слову как заворождённый.

— Ёшка на меня надеется, — закончила Стёрка. — А я одна не справлюсь. Ты же поможешь?

Замазыч закрыл глаза на секунду. Потом открыл их и посмотрел на неё с выражением, которое она видела у него только один раз — в финале детективного задания на шоу «Испытание На Миллион Тысяч», когда она выиграла, а он занял второе место и был счастлив за неё так, будто выиграл сам.

— Помогу, — сказал он тихо, но твёрдо. — Конечно, помогу. Только... — он запнулся, — ты уверена, что Ёшка права? Что вообще можно что-то расследовать? У нас же нет... ну, законов. Правил. Судов. Что мы сделаем, даже если найдём?

Он достал из рюкзака термос, поставил его на стол, потом убрал обратно. Руки дрожали.
— Прости. Я не трус. Просто... я хочу понять: мы ищем правду для себя? Или чтобы... наказать? Потому что наказывать в Полиграфе некому. Кроме нас самих.

Стёрка посмотрела на него серьёзно.

— Когда дело касается убийства, наказание — это последнее, о чём должен думать сыщик. Первое, о чём мы должны позаботиться, — это безопасность. Если ты не хочешь, пожалуйста, можешь идти домой. Я никого нарочно подвергать опасности не буду.

Замазыч сделал глубокий вдох и настроил себя на позитивные мысли. "Он поможет Стёрке". "У них всё получится". "Он не боится - он хочет помочь свое подруге выяснить правду". Стёрка подошла к ящику, выдвинула его и достала рулон липкой жёлтой ленты, который отдала Замазычу.

— Идём. Главное — быть тихими и не издавать звуков.

Замазыч кивнул:

— Да, а то мы так только внимание лишнее привлечём!

И слегка мрачнел — видимо, представив, чьё именно внимание они могут привлечь.

Они спустились в подъезд. Тот самый подъезд, где два дня назад Яори нашёл тело Зело. Пахло сыростью, старой краской и чем-то ещё — тем самым запахом типографской краски, который ветер приносит перед грозой. Только сейчас, внутри, он казался гуще, тяжелее, словно сама смерть оставила здесь свой флакон открытым.

Стёрка аккуратно оклеила жёлтой лентой пролёт, где лежало тело. Замазыч стоял чуть позади, держа фонарик в опущенной руке.

— Стёрка, — шепнул он, — мы здесь... что именно ищем? Ты сказала — нет улик. Совсем. Если бы тут что-то было, его бы уже... ну, кто-нибудь нашёл. Яори кричал так, что полгорода слышало. Полиции нет, но любопытных полно.

Он замолчал. Где-то наверху хлопнула дверь, и его чуткое ухо словило этот звук. Замазыч вздрогнул.

— Тише, — шепнул он сам себе и тут же виновато посмотрел на Стёрку.

И тут с верхней лестничной площадки раздался голос:

— А это ещё что такое?

Краткий — лососевый, крупный, с точкой над головой, которая вечно съезжала набок, — стоял этажом выше, опершись одной рукой о перила. Он смотрел на них сверху вниз, и в его взгляде смешивались удивление, раздражение и что-то ещё, чего Стёрка не могла определить. Его появление было совсем некстати.

Замазыч нервничал, но сдерживал себя. Стёрка взяла всё в свои руки.

— Мы тут с Зело разбираемся, — сказала она ровно. — Ёшка нас назначила. Сказал, нам можно доверять.

Краткий спустился на несколько ступенек, не сводя с неё глаз. В его глазах читалось недоверие и подозрительность. Он смотрел на новоиспечённых сыщиков как директор школы на хулиганов, которые куда-то тащили большой мусорный пакет без веской причины.

— Ёшка? — переспросил он, и точка над его головой дёрнулась. — Ёшка вас *назначил*? — Он остановился на полпути. — Странно. - А что странного? - поинтересовалась Стёрка. - Ёшка — мой ассистент. - напомнил Краткий и показал на себя рукой. - И если бы он кого-то *назначал*, он бы спросил у меня. А он ничего не спрашивал на эту тему.

Он сложил руки на груди. Замазыч понял, что им следовало лучше соблюдать конспирацию.

— Но... допустим. Допустим, Ёшка действительно вас попросил. - Краткий заговорил быстрее. - И что дальше? Вы будете ходить по подъездам, клеить ленточки и пугать жильцов? Вы вообще знаете, что расследовать надо не здесь?

Он кивнул куда-то в сторону.

— Зело убили два дня назад. За это время здесь перетоптались все, кому не лень! Вы просто нападёте не на тот след! Ещё хуже, если на самих себя выйдете! А это, как мне помнится, главная ошибка в ходе любого следствия. Стёрка нахмурилась. Ведущий ИНМТ уже порядком надоел ей своими длительными осуждениями. - Вот лучше вспомните: Ижек пришёл? Не пришёл. Его нашли на кладбище. Вы не в том месте ищите, ребятки.

Он смягчился — чуть-чуть, ровно настолько, чтобы они не почувствовали себя совсем глупо.

— Идите к Садовнику. Он последним видел Ижека... ну, в смысле, первым нашёл. И Зело он знал. Может, что-то заметил.

Краткий развернулся, сделал шаг вверх, потом обернулся через плечо:

— И передайте Ёшке, чтобы зашёл ко мне, когда освободится. Мы поговорим о том, кого он *назначает* без моего ведома.

Точка над его головой качнулась в последний раз, и он скрылся за дверью своей квартиры.

Замазыч выдохнул так, будто не дышал последние полминуты.

— Стёрка... ты это... здорово придумала про Ёшку. Но он же узнает всё? И что тогда?

Стёрка не ответила. Она смотрела вслед Краткому, и её светло-серое лицо исказилось от негодования.

— Вот ведь чайка! — процедила она сквозь зубы. — Пришёл, накричал, обосрал и ушёл! — Она понизила голос. — Будто я не понимаю, что тут уже натоптали! И он, кстати, тоже! Она уже собиралась обругать его, но быстро переключилась на своего партнёра.

— Смотри! — вдруг позвал Замазыч.

Она обернулась.

Он стоял двумя ступеньками выше от того места, где лежал Зело, и указывал пальцем на что-то, притаившееся у стены. Стёрка подошла ближе и ахнула.

На третьей ступеньке, чуть присыпанный пылью и типографской сажой, лежал шоколадный эклер. От был съеден не до конца, а так, слегка надкусан. Обычно так поступают, когда торопятся или когда что-то резко отвлекает от перекуса. Крем внутри уже засох, но всё ещё держал форму. Шоколадная глазурь потрескалась от времени. Один её кусочек валялся рядом.

Замазыч присел на корточки, не дотрагиваясь до сладости. Стёрка медленно надела резиновые перчатки. Её сердце начало колотиться быстрее, чем во время дебютного испытания в шоу.

Первая улика.

Глава 3. Сладкий след

Стёрка аккуратно держала эклер в затянутых резиной пальцах. Шоколадная глазурь потрескалась, крем внутри засох, но форма ещё держалась. Замазыч стоял рядом, затаив дыхание, и смотрел на улику так, будто она могла в любой момент взорваться.

— Не, — сказала Стёрка, вертя эклер перед собой, — он сто процентов с этой самой вечеринки. Откуда же он ещё может быть? — Она иронично усмехнулась. — Если его только не подложили сюда. Хотя могло быть и такое.

Замазыч кивнул, следя за её руками.

— Подложили? — понизил он голос. — Зачем кому-то подкладывать эклер на место убийства? Чтобы отвлечь внимание? Или чтобы подставить кого-то, кто любит сладкое?

Он достал из рюкзака маленький прозрачный пакет — для улики, надо полагать.

— Давай сюда. Упакуем. Потом разберёмся.

Стёрка сунула эклер в пакет, застегнула его и убрала в сумку.

— Рано ещё делать какие-то выводы, — сказала она, поднимая глаза на лестничный пролёт. — Нам нужно узнать обо всех угощениях на этой вечеринке.

Её взгляд упёрся в дверь квартиры номер семнадцать.

— Нет, — вздохнула она, перехватив взгляд Замазыча. — Это квартира Краткого. Там живёт только он. А он нас к себе не пустит.

Замазыч заметно расслабился.

— Ну и хорошо, — выдохнул он. — Честно говоря, этот Краткий... он меня пугает. — Он поправил лямку рюкзака. — Значит, вечеринка была у него? — Замазыч задумался. — А у кого ещё можно спросить про угощения? Ёшка — она ассистент, она накрывала. Или Бука — он педантичный, должен помнить каждую крошку.

Он вдруг оживился:

— Слушай, а может, нам просто найти того, кто покупал эти эклеры? В Полиграфе же есть магазин? Один? На вокзале?

Стёрка замерла.

— Ну конечно! — сказала она, и глаза её блеснули. — Спросим у Чепика! Он же помнит всех своих покупателей! — Она аккуратно положила улику в сумку. — Он-то нам с этим и поможет!

Замазыч хлопнул себя ладонью по лбу.

— Чепик! Точно! Он же всё про всех знает. Кто что покупал, кто что любит, кто вчера был в хорошем настроении, а кто нет... — Он с надеждой посмотрел на Стёрку. — Только... он сейчас работает? Время-то...

Замазыч покосился на мутное окно подъезда. Снаружи был серый полдень, но в Полиграфе с освещением всегда были проблемы.

— В баре он только по вечерам работает, — вспомнила Стёрка. — А сейчас утро. Значит, в магазине. Идём!

Они спустились вниз, стараясь не задевать жёлтую ленту, и побежали к магазину.

Магазин у вокзала был маленьким зданием из серого кирпича, с круглой вывеской «Чепик & Сыновья» — хотя сыновей у Чепика никогда не было. Дверь противно скрипнула, когда они толкнули её.

Внутри пахло печеньем, чаем и старыми газетами. Полки ломились от консервов, пачек с супом, конфет в ярких обёртках и странных вещей вроде запасных линеек для письма.

Чепик — салатový, с лёгким румянцем на круглых щеках и чёрным галстуком-бабочкой — стоял за прилавком и перебирал что-то в ящике. Он поднял голову, увидел гостей, и его лицо расплылось в доброй улыбке.

— Стёрка! Замазыч! — Он вытер руки о фартук. — Ранние пташки. Что случилось? Неужто ко мне по делу?

Он перевёл взгляд с одного на другую, и улыбка слегка увяла — видимо, выражения лиц говорили о том, что гости пришли не за чаем.

— Ясно... Слышал я... — Чепик понизил голос. — Про Зело и Ижека. Ужас. Я их обоих знал. Хорошие были буквы. Ижек, бывало, заходил по вечерам... эклеры брал. Он их любил.

Он замолчал, видимо, поняв, что сказал что-то важное.

— Уже знаешь? — удивилась Стёрка. — Что ж, так будет проще. — Она достала из сумки пакет с уликой. — Мы нашли рядом с Зело вот это. Скажи, у вас в тот день, когда вечеринка была, кто-то брал такие эклеры?

Чепик взял пакет в руки, не вынимая из него эклер, повертел, поднёс к глазам, отодвинул. Салатовые щёки его порозовели.

— Эклер, — сказал он задумчиво. — Шоколадный. Наш, магазинный. У меня такие только вчера и были — партия свежая. Сегодня ещё не завозили, а позавчера — закончились.

Он вернул пакет Стёрке.

— Того вечера, когда была вечеринка... это когда? Позавчера? Или два дня назад уже? — Он загибал пальцы. — Если позавчера — так, постойте... Вечером, ближе к восьми, заходила Ёшка. Брала корзину с пирожными: песочные, заварные, бисквитные. Эклеров среди них не было. Я точно помню, потому что она сначала хотела эклеры, но я сказал, что их уже заказали.

— Кто заказал? — быстро спросил Замазыч.

Чепик замялся.

— Обещание не разглашать... ну, знаете. Клиентская тайна. — Он увидел их лица и вздохнул. — Но раз буквы гибнут... Ладно. Это был Аз. Он заказал шоколадные эклеры наутро после вечеринки. Сказал, для своего гостя. Но гость, кажется, так и не приехал. Я отдал эклеры ему вчера утром.

— Аз лично приходил забирать заказ? — Стёрка уже достала блокнот и что-то записывала.

Чепик кивнул, поправляя бабочку.

— Да, собственной персоной. Вчера утром, ровно в девять. Я как раз открывался. — Он задумался. — Аз был... хм... как бы сказать... сам не свой. Обычно он язвит, подкалывает, а тут молчаливый, глаза в пол. Забрал коробку, заплатил и ушёл. Даже спасибо не сказал.

Он покачал головой.

— Я тогда подумал: «Что-то случилось». А вечером новость про Ижека пришла.

Стёрка замерла. В её голове что-то щёлкнуло.

— Стоп! — сказала она. — А как это? Вечеринка была позавчера, а Аз забрал эклеры вчера утром! — Она недоверчиво посмотрела на Чепика. — Ты точно нам не врешь?

Чепик отшатнулся — мягко, по-доброму, но заметно.

— Стёрка, — сказал он обиженно, — я никогда не вру. Особенно когда дело пахнет... ну... таким.

Он выпрямился и снова поправил бабочку — нервный жест, который Стёрка заметила впервые.

— Всё правильно. Вечеринка — позавчера вечером. Аз забрал эклеры — вчера утром. Значит, на вечеринке эклеров от меня не было. — Он наклонился ближе, понижая голос до шёпота. — Но я думал, вы знаете. Я думал, вы поэтому пришли. — Он перевёл взгляд на пакет в руке Стёрки. — Тот, который вы нашли... он не мой.

Замазыч выдохнул.

— То есть...

— Мой эклер — он с особой глазурью, я сам делаю, — перебил Чепик. — А на этом глазурь другая. Тоньше, темнее. И крем не такой пышный. Это не из моего магазина, девочки. Это откуда-то ещё.

Он откинулся на спинку стула.

— В Полиграфе больше нет кондитерских. Только моя. Значит, этот эклер — привозной. Кто-то доставил его извне. Или сам испёк.

Чепик замолчал и уставился на них с выражением: «Ну, что скажете?»

— А Зело эклеры вообще любит? — спросила Стёрка, но ответа не последовало.

— Очень любит, — раздался голос у неё за спиной.

Стёрка обернулась.

В дверях стояла Этэри, придерживая пакет одной рукой. Нежно-фиолетовая, миловидная, с живыми блестящими глазами, которые, казалось, горели от предвкушения долгого разговора.

— Ой, привет, — сказала она, переступая порог. — Я не помешала? Вы про Зело? — Она поставила пакет на прилавок. — Мы с ним дружили. Ну, в смысле, не то чтобы дружили, но общались. Он эклеры обожал. Любые. Даже чёрствые. Говорил, что в них есть... — она pokrутила пальцем у виска, подбирая слово, — ностальгия. Что эклеры напоминают ему времена, когда его ещё использовали в текстах.

Она вздохнула.

— Я не знаю, кто его убил, но если этот кто-то знал про эклеры... — Этэри заправила невидимую прядь за ухо, — то мог использовать их как приманку.

Замазыч открыл рот, закрыл и переглянулся со Стёркой.

— Ой, — сказала Этэри, заметив пакет в руке Стёрки. — А это... это тот самый?

Она прошла вперёд, не дожидаясь ответа, и обратилась к Чепику:

— Мне, пожалуйста, «Красный бархат».

Чепик уже потянулся к витрине, но замер, услышав следующий вопрос Этэри:

— А вы чего, следователи теперь?

Замазыч напряжённо посмотрел на Стёрку. Этэри просто ждала. В её взгляде не было иронии — только искреннее любопытство.

— Просто, — продолжала она, пока Чепик доставал пирожное и упаковывал его в бумажный кулёк, — про вас уже говорят. Ёшку видели возле подъезда. Краткий кому-то сказал, что вы «лезете не в своё дело». А я вот встретила вас здесь, с эклером... — она кивнула на пакет, — и подумала: может, правда?

Она протянула Чепику монетку, забрала «Красный бархат».

— Я никого не осуждаю, — добавила Этэри мягко. — Мне просто интересно. Зело был... ну, не то чтобы моим другом. Но он был буквой. И Ижек — тоже. Кто-то же должен.

Она сделала маленький шаг назад, давая пространство для ответа, но не уходя.

Стёрка поморщилась, закрыла глаза, помолчала несколько секунд, а потом выдохнула:

— Так, хватит! Слишком много слов!

Она открыла глаза и повернулась к Чепику:

— Чепик, прости, что мы к тебе так внезапно! Заверни нам, пожалуйста, два эклера: один с шоколадом, а один... — она взглянула на Этэри, которая как раз пересчитывала сдачу, — с вишней и ванильным кремом.

Чепик кивнул с явным облегчением — наконец-то он мог делать что-то привычное.

— Сию минуту! — Он нырнул за прилавок, достал картонную коробочку, переложил её салфеткой. — Шоколадный... вишнёвый... — бормотал он, аккуратно укладывая эклеры. — Стёрка, ты их сейчас есть будешь? Или с собой?

Замазыч смотрел на неё с недоумением. Этэри — с лёгкой улыбкой.

— А я думала, вы по делу, — заметила она негромко.

Чепик протянул коробочку, перевязанную бечёвкой.

— Держите. — Он помолчал, потом добавил: — А про Аза... вы всё-таки спросите у него сами. Только осторожнее. Он сегодня... не в духе.

Этэри подхватила свой пакет и «Красный бархат».

— Мне пора, — сказала она. — Если что — я в гостинице «Буквица», временно там живу. Приходите, поболтаем.

Она кивнула обоим и вышла, звякнув колокольчиком на двери.

Чепик вопросительно посмотрел на Стёрку.

— Нет, спасибо, этого достаточно, — сказала она. — Пока, Чепик!

Они вышли на улицу. Стёрка повернулась к Замазычу и тихо произнесла:

— Даже не думай. Мы не будем это есть. Пока. Как видишь, нам никто не доверяет, следовательно, и мы не должны верить никому.

Она достала телефон и сфотографировала режим работы на двери магазина Чепика.

Глава 4. Обман в разрезе

Стёрка подумала про свою скромную квартирку — светлые стены, книжная полка, стол, заваленный канцелярией. Уютно и для уединённого разговора сойдёт.

— Что ж.. — вздохнула она. — Придётся у меня разбираться. За мной!

Она быстро поднялась по лестнице, стараясь не глядеть в сторону подъезда, где всё ещё висела жёлтая лента. Замазыч шёл следом, придерживая рюкзак, чтобы не гремел.

Ключ повернулся в замке с тихим щелчком. Дверь закрылась, и Стёрка на секунду привалилась к ней спиной, переводя дух. Дома было тихо. Только за окном шуршал ветер — Полиграф сегодня неспокоен. Замазыч огляделся.

— Значит, штаб здесь, — сказал он, ставя рюкзак на пол и доставая термос. — Чай будешь? Настоящий. Заварной. Я с собой взял, а пить не с кем было.

Он налил в крышку дымящуюся жидкость и протянул Стёрке.

— Стёрка, — сказал он серьёзно, когда она сделала глоток, — мы знаем: эклер не из магазина Чепика. Знаем, что Аз заказывал эклеры, но забрал их только наутро после вечеринки. Знаем, что Зело любил эклеры. И знаем, что Ижека закопали заживо. А остальное? — Он развёл руками. — Полная темнота.

Он сел на стул, снял рюкзак и положил его на колени.

— Давай распишем всё, что у нас есть. Хотя бы то, что знаем точно. А то голова идёт кругом.

Он достал маленький затрёпанный блокнот в пятнах от чая и ручку с настоящими чернилами.

— Ты прав, — сказала Стёрка, копаясь в сумке. — Данных много. Однако это ничуть не плохо. Иные расследования проходят без единого источника информации. — Она достала свой блокнот и ручку. — Даже не понимаю, как преступника вообще удаётся найти! Я бы так точно свихнулась! — Она села за стол. — Итак, что там у нас?

Замазыч пододвинул стул ближе.

— Ладно, — сказал он, обмакивая ручку в чернила. — Давай по порядку. Без паники. Без лишних мыслей. Только факты. Или то, что на них похоже.

— Итак, — начала Стёрка, — наша основная улика — шоколадный эклер, который, по словам Чепика, не из его магазина. Записывай.

Замазыч старательно вывел в блокноте:

«1. Эклер (шоколадный). Найден на месте убийства Зело. Не из магазина Чепика (глазурь и крем другие). Следовательно — привозной или домашний»

— Записал, — сказал он. — Дальше?

— Дальше выстраиваем хронологию событий, — Стёрка задумалась. — Позавчера проходила вечеринка. Ёшка приходила за пирожными. Эклеры она не заказывала. Так?

Замазыч кивнул и написал:

«2. Вечеринка — позавчера вечером. Угощения: пирожные песочные, заварные, бисквитные. Эклеров НЕ БЫЛО (подтвердил Чепик)».

— Так, — пробормотал он, сверяясь с записями. — Значит, эклер, который мы нашли, появился там либо в тот же вечер, но не от Чепика, либо уже после. — Он поднял голову. — Что дальше? У нас же ещё Аз с его вчерашним заказом...

— Вот теперь и о нём, — Стёрка потянула слова, подгоняя мысли. — Аз пришёл за своими эклерами на следующее утро. Сказал, что это для гостя. Но какой гость - не уточнил.

Замазыч быстро застрочил:

«3. Аз. Забрал эклеры (свои!) утром следующего дня. Сказал — для гостя. Вёл себя «не в духе», молчаливый, даже спасибо не сказал»

— Выходит... — Замазыч медленно проговаривал, подбирая слова, — эклер с места преступления — не Аза? У того эклеры из магазина Чепика. А наш — левый. Или Аз свой не отдал? Или он кому-то передал... — Он потёр лоб. — Слишком много «или».

Замазыч дёргался, как будто сидел на пружине.

— Его эмоции я бы пока не затрагивала, — перебила Стёрка. — Мы получили эту информацию с чужих рук. Но насчёт эклеров ты прав: эта сладость принадлежит не ему.

Она замолчала, обсасывая карандаш и глядя в стену. Замазыч терпеливо ждал. Он уже знал: когда Стёрка грызёт карандаш, мысли текут в нужном русле.

— Значит так, — наконец произнесла она, откладывая карандаш. — У нас два эклера. Один — Аза, из магазина. Второй — привозной, на месте убийства. Вопрос: зачем там эклер, который никто не приносил на вечеринку?

— Может, его подбросили? — предположил Замазыч. — Или... Зело сам его принёс. Ты же говорила, он любил эклеры. Может, он где-то достал этот, пришёл с ним на вечеринку, а потом...

— Ага! Вот оно! — Стёрка вскочила. — Он мог получить этот эклер с рук! — Она посмотрела на свои записи. — Вероятно, с тех, которые мы уже видели...

Она метнулась на кухню и вернулась с ножом и разделочной доской.

— Доставай шоколадную вкусняшку. Будем проводить экспертизу!

Замазыч с сомнением посмотрел на нож, потом на неё, потом на сумку, где лежал пакет с уликой.

— Сейчас? — переспросил он. — Ты хочешь... разрезать улику? Прямо здесь? На кухонной доске?

Он всё же полез в сумку, достал пакет и положил его на стол. Посмотрел на эклер так, будто тот мог обидеться.

— А мы... мы вообще имеем право? — прошептал он. — Это же вещественное доказательство. Вдруг там... ну... отпечатки? Или что-то под глазурью? — Он повертел в руках телефон. — Может, сначала сфотографируем со всех сторон? А потом уже... ну... анатомируем?

— Не вопрос, — согласилась Стёрка и сделала несколько фото эклера со всех сторон. — А теперь можем действовать!

Она аккуратно вынула из пакета подозрительный эклер, а затем второй — тот, что купила у Чепика. Положила оба на доску. — Режь! — сказала она Замазычу. — У тебя это получается точнее!

Замазыч взял нож, глубоко вздохнул и аккуратно — почти хирургически — разрезал оба эклера пополам, вдоль. Стёрка склонилась над доской.

— Смотри, — сказал Замазыч, тыча пальцем в срезы. — У того, с места преступления, крем... ровный. Слишком ровный. Как из кондитерского мешка. А у чепиковского — неровный, с пузырьками. Значит, делали по-разному.

Он отодвинул чепиковский эклер в сторону, внимательно разглядывая подозрительный. — Глазурь. Тоже разная. У нашего — блестящая, почти зеркальная. У чепиковского — матовая, с мелкими трещинками. — Он поднял глаза. — Это не одно и то же, Стёрка. Точно. Тот эклер делал кто-то другой. Он отложил нож и вытер руки о салфетку.

— Вопрос — кто? Умеет кто-то в Полиграфе печь эклеры? Или привозные?

— Так, надо подумать, — сказала Стёрка, пристально разглядывая обе улики. — Распечатай-ка третий эклер!

Замазыч удивлённо посмотрел на неё, но послушно открыл пакет, в котором, как они оба думали, лежал второй купленный эклер — вишнёвый. Из пакета потянулся неприятный, кислый запах. Замазыч сморщился, отодвинул пакет.

— Это не эклер, — сказал он, заглядывая внутрь. — Это... это...

Он вытряхнул содержимое. На доску упал сморщенный, почерневший кусок чего-то, что когда-то могло быть выпечкой. Запах усилился — кислый, с гнильцой.

— Ты это где взяла? — прошептал Замазыч, прикрывая нос рукавом. Стёрка нахмурилась.

— Это не наш, — сказала она твёрдо. — Я такой не покупала.

Она взяла телефон, просмотрела последние фото — те, что сделала у двери магазина Чепика.

— Режим работы: с девяти до двадцати. Кроме понедельника. — Она подняла глаза, пытаясь убедиться в том, что это не галлюцинации.

— Сегодня не понедельник. Чепик был на месте. Я купила два эклера. Шоколадный и вишнёвый. Оба свежие. — Она посмотрела на вонючую массу на доске. — Откуда это?!

Замазыч побледнел.

— Стёрка... — сказал он тихо. — Это в моём рюкзаке было. Я не знаю, как оно туда попало. Честно. Я не...

Он замолчал, глядя на неё с ужасом. Стёрка быстро завернула дрянь обратно в пакет и закрутила его.

— Вот же зараза! — выругалась она, но тут же взяла себя в руки. — Спокойно... Лишняя улика никогда не помешает.

Стёрка встала и размяла ноги.

- Нам нужно изучить технику приготовления этих сладостей. — Она повернулась к Замазычу. — Поищи в интернете.

Она выхватила у него из рук блокнот и крупно вывела на чистой странице:

«Подозреваемый 1: Чепик»

Глава 5. При помощи слёз

— Что... — голос у него сел. — Стёрка, это не моё. Чепик был в скором порядке вызван Стёркой на допрос по видеосвязи. Пакет, по его словам, принадлежал не ему. Он приблизился к камере и прищурился.

— Это не моя упаковка. Видишь, угол запаян криво? Я так не запечатываю. И этикетки нет. Моя — с логотипом, маленьким, в углу. А здесь... — он покачал головой, — пусто.

Для надёжности Чепик показал один из своих пакетов. Всё на нём было ровно таким, как он описывал. Этот пакет был совершенно не был похож на тот, что хранил в себе гнилую субстанцию. Он отстранился, и Стёрка увидела его руки — они дрожали.

— Стёрка, ты... ты что, думаешь, я? — Он сглотнул. — Зачем бы мне... Я же сам сказал, что эклер не мой. Зачем бы я подставлялся?

Он замолкает, ждёт. Замазыч заглядывает в камеру из-за вашего плеча.

Чепик вздыхает.

— Слушайте... У меня есть одна мысль. Не знаю, поможет ли. Но тот, кто это сделал... он знает, что вы у меня были. Следил, может. Или... — он замаялся, — или кто-то из своих. Кто знал про эклеры. Кто знал про вечеринку. Кто знал про... всё.

Владелец магазина поднял глаза и быстро перевёл взгляд на нового покупателя. — Извините, покупатель пришёл. Мне нужно. Стёрка, держите меня в курсе. Я волнуюсь. За вас. И за себя тоже. Перед концом вызова он сказал:

— Будьте осторожнее. Я не хочу, чтобы следующую улику нашли на вас. И поспешно отключился. Детективы посмотрели друг на друга. Кто мог им подбросить подставной пакет из тех, с кем они были недавно? В их головах вертелось одно и то же имя: Этэри. - В таком случае... - начал Замазыч, - мы можем спокойно провести ещё один допрос. Этэри нас сама к себе звала, в гостиницу!

Стёрка села на стул и усталилась в стену. Замазыч ходил по комнате, иногда поглядывая на неё, но не решаясь заговорить первым. Тишина затягивалась.

— Я не хочу ни с кем разговаривать, — сказала наконец Стёрка. — Ну, не хочу! Страшно! Замазыч остановился.

— Стёрка, — сказал он тихо. — Мне тоже страшно.

Он вернулся к столу и сел напротив.

— Я вообще боюсь всего. Темноты. Громких звуков. Когда кто-то сзади подходит. А тут... убийства. Трупы. Эклеры непонятные. — Он выдохнул. — Но если не мы, то кто? Краткий сказал: «Мёртвым не поможешь». Ёшка плачет и боится. Остальным всё равно или они тоже боятся, но молчат.

Он помолчал, глядя на свои руки.

— Мы можем не идти к Азу сегодня. Можем завтра. Или послезавтра. Но тогда он может... ну... узнать что-то от других. Или другие от него. Или его убьют, пока мы тут сидим.

Он поднял глаза.

— Я с тобой пойду. Рядом. Ты главная, я просто... за спиной буду. И термос возьму. На всякий случай.

Стёрка подумала. Потом подняла серьёзный взгляд.

— Идём! Но легенда такая: мы пришли на его вечеринку. А если она закончилась — значит, хотели прийти, но перепутали расписание. И просто чаёк у него попьём! — Она улыбнулась собственной идее. — Хватай эклеры!

Замазыч посмотрел удивлённо.

— А что? — сказала Стёрка. — В гости с пустыми руками не ходят. А термос пригодится.

Замазыч схватил коробку с эклерами (теми, от Чепика, свежими) и термос. У двери он остановился.

— Легенду запомнил. На вечеринку. Перепутали расписание. Просто пообщаться. — Он помолчал. — А если он спросит, как мы узнали, где он живёт? Ну, мало ли, не захочет нас пускать.

— Так это же Полиграф! — сказала Стёрка. — Тут все знают, кто где живёт! Ну, кроме нас. — Она взглянула на него. — Напомни, какая у него квартира?

Замазыч задумался.

— Кажется... над Кратким? Или под Кратким? Нет, постой. Вечеринка у Краткого была в семнадцатой. Аз живёт... в двадцать первой. Тремя этажами выше. Я видел, как он однажды заходил туда с продуктами. Да. Точно.

Он взялся за дверную ручку.

— Идём?

Стёрка двинулась к выходу.

Они вышли в подъезд. Дверь закрылась с тихим щелчком. Лампочка на лестничной клетке всё ещё мигала — или уже другая, они не помнили. Жёлтая лента внизу, у перил, казалась ещё более чужой, чем утром.

Замазыч шёл впереди, держа коробку и термос. Стёрка — за ним, на полшага сзади.

Они поднялись на второй этаж. Третий. Четвёртый.

Замазыч остановился у двери с номером «21». Посмотрел на Стёрку.

— Ну, — шепнул он. — Ты главная. Стучишь ты.

Он отступил на шаг.

Стёрка подняла руку и постучала.

Тишина. Потом шаги — медленные, тяжёлые.

Дверь открылась.

На пороге стоял Аз. Медово-оранжевый, прямой, с застывшим лицом. Он смотрел без удивления — скорее с усталостью.

— Чего? — сказал он глухо.

Стёрка улыбнулась.

— Здравствуй, Аз! А мы к тебе в гости пришли! Я слышала, что у тебя тут вечеринка проходит, дай, думаю, загляну! — Она толкнула Замазыча. — И друга с собой возьму!

Аз молчал несколько секунд. Переводил взгляд с неё на Замазыча и обратно.

— Вечеринка? — переспросил он медленно. — Ты про ту, что была... — он считал в уме, — позавчера? Она кончилась. Давно. И не у меня. У Краткого. Ты этажом ошиблась.

Он не открыл дверь шире, но и не закрыл. Стоял в проёме.

Замазыч выглянул из-за плеча Стёрки.

— Извините, — сказал он тихо. — Мы, наверное, правда перепутали. Просто... у нас эклеры остались. Думали, в компании будет веселее...

Он поднял коробку.

Аз посмотрел на коробку. Потом на Стёрку. Потом вздохнул.

— Ладно, — сказал он. — Заходите. Но вечеринки нет. Есть чай. И скука.

Он отступил в сторону, пропуская их.

Квартира у Аза была маленькой, но опрятной. На столе — пустая кружка и газета. Никаких следов вечеринки.

Аз ушёл на кухню, не глядя на гостей.

— Садитесь, — бросил через плечо. — Я заварю.

Стёрка села за стол, перевела взгляд на Замазыча — означающий: «Ничего не понимаю». Замазыч сел рядом, поставил коробку на край стола и пожал плечами — мол, не знаю, но делаем вид, что всё нормально.

Из кухни доносился шум воды и звон посуды. Аз возился дольше, чем нужно для простого заваривания чая.

Замазыч наклонился к Стёрке:

— Ничего не понимаю, — прошептал он. — Может, он просто не ожидал гостей? Или... не хочет говорить про вечеринку.

Он замолчал, потому что Аз вернулся.

Аз поставил на стол заварочный чайник, три кружки и тарелку с печеньем. Молча разлил чай. Сел напротив.

— Пейте, — сказал он. — Всё равно делать нечего.

Он взял печенье, откусил, прожевал без всякого аппетита.

— Эклеры, говоришь, принесли? — Он кивнул на коробку. — Можно посмотреть?

— Да, только аккуратно! — сказала Стёрка, а потом спохватилась: — Они уже... разрезаны! Из них крем мог потечь!

Аз замер, рука зависла над коробкой.

— Разрезаны? — переспросил он медленно. — Зачем вы разрезали эклеры, которые несёте в гости?

Он отодвинул коробку от себя и посмотрел на них с новым выражением — не злым, но настороженным.

— Знаете, — сказал он, откидываясь на спинку стула, — вы странные гости. Приходите с эклерами, которые уже разрезаны. Говорите про вечеринку, которая была два дня назад и не у меня. — Он перевёл взгляд с одного на другую. — Вы по делу? Или просто так?

Он взял кружку, сделал глоток.

— Если по делу — говорите сразу. Я устал. Мне не до игр.

Стёрка взяла печенье — заесть стресс.

— В общем, Аз... — Она решила начать издалека. — Что ты знаешь про Этэри?

Аз не ожидал такого поворота. Он замер с кружкой в руке, потом медленно поставил её на стол.

— Про Этэри? — переспросил он осторожно. — А что я должен про неё знать? Живёт в гостинице «Буквица». Любит поговорить. Берёт «Красный бархат» у Чепика. — Он сделал паузу. — И что?

Замазыч сидел тихо, не вмешивался.

Аз посмотрел на Стёрку пристально.

— Ты к ней ревнуешь? — спросил он вдруг, и в голосе проскользнула усмешка. — Или она тебе что-то сделала?

Он взял печенье, но не откусил, повертел в пальцах.

— Стёрка, говори прямо. Я не люблю загадок.

Стёрка вздохнула и открыла пакет.

Запах ударил сразу — кислый, гнилостный.

Аз отшатнулся всем телом вместе со стулом. Его медово-оранжевое лицо стало сероватым.

— Это что за... — Он не договорил, зажал нос рукой. — Ты это в мой дом принесла?!

Замазыч протянул руку, чтобы закрыть пакет, но Стёрка его опередила.

— Это было в моём рюкзаке, — сказал Замазыч быстро. — Вместо наших эклеров. Кто-то подбросил.

Аз смотрел на пакет, на Стёрку, на Замазыча.

— Подбросил? — Он опустил руку, но дышал осторожно, через раз. — Кто? Зачем?

Он встал, открыл окно. В комнату ворвался сырой воздух Полиграфа.

— Вы меня пугаете, — сказал он, не оборачиваясь. — Сначала вы приходите с разрезанными эклерами, потом вынюхиваете про Этэри, потом достаёте... это. — Он кивнул на пакет. — И ждёте, что я скажу?

Он повернулся.

— Скажу. Я ничего не знаю. Ни про эклеры на месте убийства — а вы ведь поэтому пришли, да? — ни про вашу вонючку. Я забрал свои эклеры у Чепика, отнёс домой, съел половину. Вторую половину отдал...

Он запнулся.

— Кому? — спросила Стёрка.

Аз молчал.

Стёрка быстро думала. Он уже почти проговорился. И тогда она всхлипнула.

— Аз... — сказала она, и голос её дрогнул. — Я так скучаю по Зело! Он был такой... — она замолчала, потому что на самом деле ничего не знала о Зело, — хороший! Я и взялась за это, потому что мне больно осознавать, что кто-то несправедливо унёс такую хорошую жизнь.

Она рыдала. Потом вдруг ударила по столу.

— Я ДОЛЖНА НАЙТИ И НАКАЗАТЬ УБИЙЦУ! ЧЕГО БЫ МНЕ ЭТО НЕ СТОИЛО!

Она упала лицом в руки, плечи её вздрагивали.

Замазыч спокойно пояснил:

— Аз, понимаешь... у нас всё серьёзно — нет, не в этом плане, — наше расследование более чем настоящее, и нам нужна любая информация, которая может хоть чуть-чуть помочь. По-человечески, помощи, а.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.